

Двадцать тысяч — сумма, конечно, немаленькая для простого человека, но и не сказать, чтобы астрономическая.

Цзи Хуай скривил губы и холодно усмехнулся:

— Двадцать тысяч? От кого откупаетесь?

Он впервые в жизни столкнулся с тем, чтобы кто-то пытался откупиться от него деньгами. И уж чего-чего, а денег у него было предостаточно.

Мужчина помрачнел, слегка нахмурившись:

— Сколько ты хочешь? Называй цену.

Цзи Хуай ничего не ответил и посмотрел на Линь Ишэня: в конце концов, истинной жертвой был вовсе не он, и решать, принимать ли такие извинения, было не ему.

Проследив за взглядом Цзи Хуая, мужчина наконец заметил, что здесь присутствует еще и какой-то Бета.

Его придирчивый взгляд скользнул по Линь Ишэню снизу вверх, после чего в голове мужчины сложилась окончательная картина.

Обыкновенный Бета без единой яркой черты, миловидный — и не более того.

От его взгляда повеяло неприятным холодом; Линь Ишэнь недовольно поджал губы и слегка спрятался за спину Цзи Хуая.

— Не бойся, я рядом.

Если бы Альфа попытался силой пометить Омегу против его воли, его ждало бы суровое наказание по законам страны. С Бетами дело обстояло иначе: всё решалось денежной компенсацией и получением согласия Беты, после чего инцидент считался исчерпанным.

Цзи Хуай ничуть не удивлялся такому исходу — он понимал, о чем беспокоится Линь Ишэнь. Он ничего не сказал, уважая выбор Линь Ишэня. Не хочешь компенсацию — и не надо, в конце концов, двадцать тысяч действительно погоды не делают.

В душе он искренне сочувствовал Линь Ишэню. Бета есть Бета, всё-таки они слишком робкие: будучи явной жертвой, он имел полное право выдвигать любые разумные требования, но лишь из-за того, что обидчиком оказался Омега, он от всего отказался и даже потребовать извинений осмеливался с такой опаской.

Цзи Хуай произнес:

— Насчет компенсации...

Что ты думаешь?

Одно дело — бояться судебного иска, но раз уж человеку нанесли такую обиду да еще и покалечили, заставить обидчика извиниться было бы вполне справедливо.

Ему очень хотелось, чтобы Линь Ишэнь проявил твердость, зная, что за его спиной всегда есть кому его защитить, но вслух этого произнести он не мог.

— Либо берем деньги, либо никаких извинений.

На фоне высокой ценности Омег и Альф Беты составляли самую многочисленную группу населения. И хотя государство провозглашало равноправие всех трех полов, на практике Беты по-прежнему сталкивались со множеством скрытых предрассудков и несправедливости.

Чувствуя себя неуверенно, Линь Ишэнь покачал головой:

— Компенсацию не надо, но я хочу, чтобы этот Омега лично передо мной извинился.

С каким вообще правом он собирался заступаться за Линь Ишэня?

По степени их близости они были лишь чуть ближе, чем просто одноклассники, но до друзей еще не доросли.

К Бетам мужчина относился с легким пренебрежением.

Тыльную сторону его ладони ободряюще погладили, и только тогда Линь Ишэнь вспомнил, что они, кажется, всю дорогу шли за руку. Его щеки, только что начавшие остывать, снова вспыхнули ярким румянцем.

Пока он не знал, куда деться от смущения, Цзи Хуай неожиданно задал вопрос: слегка растерянный Линь Ишэнь поднял голову и встретился с ним взглядом:

— Что я думаю о чем?

Он чуть качнул рукой, давая понять Цзи Хуаю, чтобы тот отпустил его, но тот словно не уловил намека и с места не сдвинулся.

Оставалось только сказать:

— Тогда пусть извинится.

Уж в ту рану на голове Омеги он вложил всю свою силу — как бы шрам не остался.

Линь Ишэнь опешил. Он и помыслить не мог, что обещанная мужчиной компенсация как-то связана с ним.

Альфа, заставивший Бету меткой, отделяется сравнительно легко, что уж говорить о сегодняшнем случае, когда его самого помогался Омега. Омеги защищены государственными законами: даже если бы он подал в суд, это максимум привело бы к пятнадцати суткам под надзором, после чего обидчик вышел бы на свободу чистым, без единой записи в личной деле.

Он даже в страшном сне не мог представить, что семья Омеги станет выплачивать ему компенсацию — еще спасибо, если бы те не подали на него встречный иск за избиение Омеги.

Мужчина знал об обстоятельствах лишь в общих чертах, да и то с подачи начальника охраны. Он до последнего был уверен, что его излишне буйный младший брат набросился на этого высокочлассного Альфу перед ним, но реальность оказалась совсем иной.

Если пострадавший — всего лишь Бета, дело обстоит куда проще.

— Мой брат отделался вовсе не легким испугом. Если наш Клан Пэй решит зайти в этом вопросе далеко, думаете, вы выиграете суд? Посмотрите на ситуацию с другой стороны: вы ведь еще студенты, верно? Если в вашей биографии появится запись об избиении Омеги, это наверняка поставит жирный крест на вашем будущем образовании.

Мужчина был абсолютно прав: даже прекрасно понимая, что их вины здесь нет, реальность оставалась суровой.

При любых обстоятельствах бить Омегу — это табу.

Линь Ишэнь сжал кулаки, уголки его глаз покраснели от гнева, а сдерживаемая внутри обида требовала выхода.

— Клан Пэй? И что, великая птица?

Альфа притянул его к себе и потрепал по голове; его твердая, бесстрашная уверенность заставила Линь Ишэня замереть, а сердце — сделать несколько сумасшедших ударов.

Цзи Хуай... он заступает за него?

Украдкой бросив взгляд на силуэт Альфы, заслонявший свет, Линь Ишэнь вдруг почувствовал себя абсолютно защищенным.

Линь Ишэнь невольно прижался к плечу Цзи Хуая, и уголки губ последнего дрогнули в удивлении и радости.

Малыш-Бета начал зависеть от него — поистине неожиданный и приятный подарок.

Настроение у него заметно улучшилось, да и стоящий перед ним мужчина перестал казаться таким уж раздражающим.

Небрежным тоном Цзи Хуай произнес:

— Забыл представиться, меня зовут Цзи Хуай. В Личэне Клан Пэй, пожалуй, и имеет какой-то вес, но до уровня Клана Цзи ему далеко. Если не веришь — можешь навести справки.

Главная цитадель Клана Цзи находилась в столице, и сейчас ею управлял отец Цзи Хуая. Старейшина рода после выхода на пенсию вернулся в родовое гнездо в Личэне, чтобы поправить здоровье, а Цзи Хуай приехал вместе с ним.

Клан Цзи, конечно, не был единоличным лидером столичной элиты, но входил в число первых величин. По сравнению с ними Клан Пэй действительно смотрелся блекло.

Цзи Хуай всегда отличался скромностью и никогда не козырял происхождением, но этот мужчина стал первым исключением.

Желавший задавить их деньгами и властью, теперь ему следовало хорошенько взвесить собственную весовую категорию.

Поняв, что нарвался на неприступную сказу, мужчина умерил высокомерие и помрачнел.

Теперь настал черед Цзи Хуая презрительно усмехнуться:

— Будьте любезны освободить проход, моему другу нужно обработать рану.

— Да, кстати, твой братец ведь скоро придет в себя? Не забудь отправить его принести извинения моему другу.

Стоя за его спиной, Линь Ишэнь чувствовал себя героем за чужой спиной и отчаянно кивал.

Кому сдались их грязные деньги! Двадцать тысяч за то, чтобы растоптать его достоинство? Его семья хоть и не купалась в роскоши, но до потери человеческого облика из-за денег они не

опускались.

Ему нужны были только извинения!

Ощущение чужого презрения было невыносимо унижительным. Мужчина сжал челюсти, сдержался и выдавил:

— Хорошо. Как только он очнется, я приведу его извиниться. Как зовут твоего друга?

Вопрос предназначался Цзи Хуаю, но взгляд мужчины был прикован к Линь Ишэню, и улыбка не достигала его глаз.

Линь Ишэнь настороженно прищурился:

— Вам достаточно просто извиниться, мое имя-то зачем? Меньше всего на свете я хочу еще хоть раз с вами столкнуться.

Связываться с такими властными и богатыми людьми простому человеку себе дороже — мало ли на что они способны из мести.

Линь Ишэнь наотрез отказался называть свое имя, хотя понимал, что если те действительно захотят отомстить, его скрытность мало поможет.

Цзи Хуай слегка улыбнулся, а мужчину едва не хватил удар от злости.

Сменив привычку трепать по голове на сплетенные пальцы, Цзи Хуай сказал:

— Пойдем, сначала обрабатываем рану.

То ли потому, что за день они слишком много раз держались за руки, то ли по какой другой причине, но в этот момент Линь Ишэнь не нашел в этом ничего странного и послушно позволил увести себя к дверям медпункта.

Начальник охраны, вовремя сообразивший, что пахло жареным, и успешно прикинувшийся невидимкой, под предлогом срочного патруля со всех ног умчался с поля боя.

У дверей медпункта остался лишь один мужчина. Сделав глубокий вдох, он достал телефон и набрал номер помощника.

— Хэнчжоу очнулся?

— Уже да, менеджер.

— Веди его ко мне.

Не объясняя причин, мужчина лишь велел поторопиться.

Сбросив вызов, он со все еще мрачным лицом повернулся в сторону медпункта и поправил очки на переносице.

Травмы Линь Ишэня оказались несерьезными — в основном ушибы и синяки. Врач смазал их мазью, немного помассировал пострадавшие места, выдал мазь для домашнего применения, и на этом лечение закончилось.

Мужчина сдержал слово: он действительно привел провинившегося Омегу с повинной.

Тот вел себя достаточно искренне, и Линь Ишэнь, не желая излишне лютовать перед собратом по несчастью, скрепя сердце принял извинения.

А ведь день задумывался как веселая прогулка, но всё испортилось, и у Линь Ишэня не осталось никакого настроения продолжать отдых. Разобравшись с этим делом, он решил ехать домой.

Цзи Хуай поддержал его решение, но настоял на том, чтобы проводить его.

Линь Ишэнь попытался отказаться, однако тот прикрылся заботой о его травмах и стоял на своем.

Делать было нечего: Линь Ишэнь прекрасно знал, что если Цзи Хуай что-то вбил себе в голову, он расшибется, но добьется своего. Пришлось уступить.

Перед самым отъездом Омега неожиданно окликнул его:

— Могу я узнать твое имя? Ты кажешься мне очень интересным человеком, возможно, мы могли бы подружиться.

Линь Ишэнь лишь подумал, что этот парень явно не в своем уме, и отрезал:

— Нет. Исключено.

Ему сейчас хотелось держаться от этого странного Омеги как можно дальше. Подружиться? Он что, спятил?

Не дав тому вставить ни слова, Линь Ишэнь схватил Цзи Хуая за руку и бросился наутек, словно за ними гналась стая бродячих псов.

Лишь выбравшись за ворота парка развлечений, Линь Ишэнь немного замедлил шаг.

Из-за всей этой кутерьмы они так и не пообедали. Подумав, что Цзи Хуай столько для него сделал, Линь Ишэнь просто не мог отпустить парня голодным и предложил зайти перекусить.

Цзи Хуай, разумеется, с радостью согласился.

Они выбрали ресторан самообслуживания, и как только оба наелись досыта, к заведению подрулил личный автомобиль водителя Цзи Хуая.

Цзи Хуай распахнул перед ним дверцу:

— Садись.

Хотя Цзи Хуай уже добрых полмесяца подвозил его до дома, Линь Ишэнь впервые оказался внутри этого Майбаха.

Он никогда прежде не ездил на столь дорогих машинах, поэтому на заднем сиденье чувствовал себя не в своей тарелке: боясь задеть или испортить дорогую обивку, он всю дорогу просидел с выпрямленной спиной, не смея пошевелиться.

Вредный Альфа молча наблюдал за тем, как тот отчаянно нервничает, и даже не пытался его успокоить, лишь лукаво и мягко улыбался.

Едва машина остановилась у его дома, Линь Ишэнь выпрыгнул из салона, даже не дожидаясь, пока водитель откроет дверь снаружи.

Слегка согнувшись, он заглянул в полуотпущенное окно и сказал Цзи Хуаю:

— Спасибо, что подвез, поезжай аккуратнее.

Цзи Хуай улыбнулся:

— Хорошо, до завтра.

— До завтра.

Проводив взглядом удаляющийся черный Майбах, Линь Ишэнь с облегчением выдохнул и только после этого шагнул в подъезд.

— Братик!

Младшая сестренка Линь Илу смотрела мультики в гостиной, а увидев его, тут же пушечным ядром влетела ему в объятия.

— Братик, почему так долго? Малышка Лу так долго тебя ждала.

Девочка ласково потерлась щекой о его куртку, а затем замерла.

Принюхавшись изо всех сил, она внезапно горько заплакала.

— От братика пахнет феромонами Альфы!

<http://bllate.org/book/21021/2136846>